

на высоте до 3–4 км н. у. м. перемещались до 70–100 км преимущественно на восток от вулкана. Во второй половине июня активность вулкана повысилась: например, 19 июня пепел поднимался взрывами до 7–8 км н. у. м., пепловые шлейфы 19–20 июня перемещались до 700 км на северо-восток от вулкана. Также, согласно спутниковым данным, 19 июня отмечалась термальная аномалия в районе Приемыша.

В июле–декабре 2014 г. эруптивная активность Приемыша с выбросом пеплов преимущественно до 4–6 км н. у. м. продолжилась, хотя иногда происходили мощные взрывные события: например, 7 сентября, 11 октября, 7, 22 и 25 ноября пепел поднимался до 8–11 км н. у. м., и пепловые шлейфы протягивались до 1 200 км в различных направлениях от вулкана. В июле–декабре проявились также периоды относительного покоя вулкана, когда взрывная активность не отмечалась: например, с 22 по 25 июля, с 28 июля по 2 августа, с 1 по 10 октября, с 13 октября по 6 ноября, со 2 по 14 декабря, с 16 по 28 декабря. Следует сказать, что термальная аномалия в районе активного кратера фиксировалась нерегулярно: иногда она отмечалась во время пепловых выбросов, иногда – в межэруптивные фазы деятельности вулкана, то есть термальная аномалия в районе Жупановского была отражением мощности потока тепла, поступающего из недр вулкана при выносе и ювенильно-го вещества, и парогазовой смеси.

Достаточно часто пепловые выбросы и шлейфы можно было наблюдать из г. Петропавловска-Камчатского, например, 28 августа, 28 сентября, 25 ноября 2014 г. Мощные пепловые взрывы влк. Жупановского 25 ноября 2014 г. доставили немало переживаний жителям агломерации Петропавловск-Камчатский – Елизово: ветер принес его темную пепловую тучу на вершину влк. Авачинского, и многим людям показалось, что началось извержение домашнего вулкана. Однако ветер продолжал уносить пепловую тучу в сторону океана, и волнения улеглись.

В 2015 г. отмечались периоды активной взрывной деятельности вулкана: с 6 по 26 января, 6 и 9 февраля, с 15 по 23 февраля, с 1 по 4 марта, 7–8, 10, 15 и 25 марта, 3 апреля. Пепловые шлейфы на высотах от 5–6 км н. у. м. и ниже протягивались до 400 км преимущественно в восточных направлениях от вулкана. Наиболее сильные взрывные события с подъемом пепла до 8 км н. у. м. произошли 4, 8 и 25 марта. Фотографии 8 марта показывают вертикальную пепловую колонну над кратером Приемыша, содержащую большое количество водяного пара, образующего в центре верхней части пепловой колонны своеобразную «шапочку». Парогазовые струи поднимаются также с поверхности небольших пирокластических потоков, движущихся по трещинам и ложбинам и растапливающих снег, и подмешиваются в эруптивную колонну. Верхняя часть колонны постепенно расплывается и превращается в пепловый шлейф.

С 3 апреля 2015 г. пепловые шлейфы вулкана на спутниковых снимках не наблюдаются, но пока сложно сказать – это передышка или окончание извержения. Вулканологи группы KVERT продолжают мониторинг вулкана.

1. *Гирин О. А.* Камчатской группе реагирования на вулканические извержения (KVERT) – 20 лет // Вулканизм и связанные с ним процессы: мат. XVI региональной конф., посвящ. Дню вулканолога, 28–29 марта 2013 г. Петропавловск-Камчатский : ИВиС ДВО РАН, 2014. С. 36–41.

2. *Гирин О. А., Маневич А. Г., Мельников Д. В., Нурдаев А. А., Демянчук Ю. В.* Активность вулканов Камчатки в 2013 г. // Там же. С. 38–45.

3. *Гирин О. А., Маневич А. Г., Мельников Д. В., Нурдаев А. А., Демянчук Ю. В.* Активность вулканов Камчатки в 2014 г. // Вулканизм и связанные с ним процессы: тез. докладов XVIII региональной конф., посвящ. Дню вулканолога, 30 марта – 1 апреля 2015 г. Петропавловск-Камчатский : ИВиС ДВО РАН, 2015. С. 20–22. http://www.kscnet.ru/ivs/conferences/documents/tezis_2015.pdf

4. *Литвинов А. Ф., Бурмаков Ю. А.* Геологическое строение и четвертичный вулканизм Жупанова хребта (Восточная Камчатка) // Вулканология и сейсмология. 1993. № 2. С. 16–26.

5. *Масуренков Ю. П., Флоренский И. В., Мелекесцев И. В.* Вулкан Жупановский // Действующие вулканы Камчатки. В 2-х т. М. : Наука, 1991. Т. 2. С. 216–225.

6. *Сирин А. Н.* Состояние некоторых вулканов Камчатки в начале 1957 г. // Бюлл. вулканол. станций. 1958. № 27. С. 16–24.

П. А. Головнин ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ ШЛЮПА «ДИАНА»

*Кто не интересуется своими предками,
тот дает этим право
потомству забыть и о нем самом.*

В. Н. Смольянинов

В Российском ВМФ к числу легендарных кораблей относится и шлюп «Диана», совершивший кругосветное плавание под командованием лейтенанта В. М. Головнина в 1807–1815 г. В мире нет такого военного моряка, как вице-адмирал В. М. Головнин (1776–1831), которому за его мужество, решительность, смелость, верность долгу поставили памятники в Асташово Рязанской области (1976), Южно-Сахалинске (1982), Сумото-сити (Госики-чо (Япония)) (1996), р/ц Старожилово Рязанской области (2006), Порт-Вила (Вануату) (2009), его именем назван город на Аляске (США). После окончания МКК, в 1802 г., Головнин в числе 12 лучших офицеров был командирован на английский флот для морской практики и совершенствования познаний в области военно-морского искусства. В Европе в это время бушевала война. Разрыв дипломатических отношений между Россией и Англией окончательно произошел 26 октября 1807 г. Конфликт вылился в англо-русскую морскую войну, которая прекратилась 16 июля 1812 г. заключением мира в Эрбру (Швеция). По рекомендации адмирала Макарова, Государственная Адмиралтейств-коллегия, предложила В. М. Головнину возглавить новую экспедицию вокруг света на одном из судов, построенных на Лодейнопольской верфи, которая начала восстанавливаться 15 июня 1805 г., и под командованием капитан-лейтенанта Аплечева состояло более 100 человек (1). 10 июля 1807 г., по ходатайству морского министра адмирала П. В. Чичагова (1762–1849), министра коммерции и Управляющего МИД графа Н. П. Румянцева (1754–1825) император Александр I подписал Указ о назначении лейтенанта В. М. Головнина в кругосветное плавание. Главнейшей целью было исследование малоизвестных островов между северо-восточной Азией и северо-западной Америкой. Для этой экспедиции избрали транспорт «Диана», водоизмещением 300 т, длиной 27,8 м, шириной 7,6 м, построенный в Лодейном Поле для перевозки строительного леса. После освидетельствования судна видными корабельными мастерами Мелеховым и И. В. Курепановым выяснилось, что «Диана» непригодна для дальнего океанского плавания. В течение осени–зимы 1806–1807 гг. в Петербурге, а затем в Кронштадте под руководством Мелехова она была переоборудована в шлюп и получила статус военного корабля. Судно построено с двумя деками: в нижнем для пушек 16 портов, из коих два заделаны. На том же деке была командирская каюта, а подле оной кают-компания с пятью каютами для офицеров, между переборкою кают-компания и шкиперскими каютами в банках помещались нижние чины, кухня стояла между фок-мачтой и фор-люков на нижней палубе, а на верхней было только между грот и бизань мачтами четыре порта для каронад. На сей же палубе были брасшпиль и шпиль, ростры укладывались на ней же, между коими ставился баркас. Трюм разделен был на 5 отделений 4 переборками, в сих отделениях размещены были по удобности съестные припасы, пресная вода, дрова, уголья, порох и военные снаряды, а также весь груз, назначенный для Охотского порта. Вооружен шлюп 14 шестифунтовыми пушками, 4 восьмифунтовыми каронадами и 4 фальконетами. Медные пушки были даны с императорского фрегата «Эммануил», они были легче чугунных пушек того же калибра (2). Головнин отмечал: ««Диана» есть первое настоящее русское судно, совершившее такое многотрудное и дальнее плавание» (3).

25 июля 1807 г. шлюп «Диана» начал свое историческое плавание в сложных политических условиях. Всего на шлюпе было 64 человека, и старшим офицером был назначен лейтенант П. И. Рикорд (4). Регулярно Головнин посылал рапорты адмиралу П. В. Чичагову и контр-адмиралу Мясонову о состоянии шлюпа. 19 апреля 1808 г. шлюп прибыл к м. Доброй Надежды, был задержан и установлен, по приказанию английского вице-адмирала Барти, в бух. Саймонстаун. Это было время англо-русской войны на море, захватывались купеческие суда, некоторые топились, как с одной, так и с другой стороны. Прошло несколько месяцев, а ответа от Английского Правительства не было. На «Диане» кончалось продовольствие, и Головнин «решился, не теряя первого удобного случая, извлечь порученную мне команду из угрожавшей нам крайности» (5). 16 мая 1809 г. ночью подул благоприятный ветер для побега, Головнин велел поставить штормовые паруса и, обрубив якорные канаты, «Диана» вышла в открытое море. «Сей день, – отметил Головнин, – по многим обстоятельствам есть один из самых критических и примечательных в моей жизни» (6). 200 лет спустя после

пребывания «Дианы» этих островах потомок русских белоэмигрантов Н. Н. Мишутушкин открыл памятник В. М. Головнину в столице Республики Вануату г. Порт-Вила. 23 сентября 1809 г. «Диана» прибыла на Камчатку. В Петропавловске Головнин получил известие о награждении его боевым орденом Св. Георгия IV ст. и «Св. Владимира» IV ст. Лейтенант Головнин 24 декабря в донесении изъясняет, что шлюп, по величине своей и глубине не может быть употреблен в Охотском порте на казенную надобность; и что он потому решился отправиться весною 1810 г. в Ситху для оказания Американской компании пособий. 4 мая 1810 г. «Диана» вышла в свое плавание для проведения описей Алеутских, Курильских островов, Татарского берега до р. Уды, Шантарских островов. Головнин составил точную карту Курильских островов, открыл остров Средний. 4 июля 1811 г. шлюп бросил якорь у о. Кунашир, и капитан Головнин, мичман Мур, штурман Хлебников с четырьмя матросами и курильцем Алексеем в качестве переводчика отправились на встречу с начальником японского гарнизона крепости в Томари. Крепость в Томари была построена княжеством Мацумаэ в конце 80-х гг. XVIII в. после восстания айнов в 1789 г. В 1799–1821 гг. охранную службу здесь несли солдаты кланов Намбу и Цугау с северного Хонсю. Именно они 11 июля 1811 г. на территории крепости захватили в плен В. М. Головнина. Это было сделано в отместку за разорение в 1805–1806 гг. японских селений на Курильских островах и Сахалине, потоплении нескольких японских торговых судов русскими моряками во главе с лейтенантом Хвостовым и мичманом Давыдовым на кораблях «Юнона» и «Авось». Инициатива попытки вытеснения японцев с Сахалина и Южных Курильских островов принадлежала камергеру и послу Российской Империи в Японию Н. П. Резанову.

В таких острых политических условиях и был задержан капитан-лейтенант В. М. Головнин 4 июля 1811 г. в японской крепости Томари на о. Кунашир. Лейтенанту П. И. Рикорду (1776–1855), как старшему офицеру, пришлось принять на себя командование шлюпом «Диана». Сделав несколько тщетных попыток освободить товарищей, он отправился в Охотск, а затем решил, не выжидая зимнего пути, отправиться в Петербург хлопотать об освобождении Головнина, но уже в Иркутске получил приказание вернуться в Охотск. В Петербурге, тем временем, обсуждались различные планы освобождения Головнина. Генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель (1765–1843) писал в своем донесении в Петербург: «поступок японцев против Головнина есть следствие экспедиции Хвостова и предлагаю отправить от своего имени из Охотска начальника Миницкого с письмом к японскому в Нагасаки губернатору или к другому чиновнику, и если он окажет согласие, вступить с ним в переговоры. Предметом переговоров должно быть освобождение чиновников наших и слугителей, незнание границ японских владений, открытие торговли с Японией по удобности к тому Сибирского края» (7). К 1811 г. уже не было в живых д. ст. с., камергера двора, одного из учредителей и корреспондента Российско-Американской компании, зятя Г. И. Шелихова и посла в Японию Н. П. Резанова (1764–1807), он скончался еще в 1807 г. в Красноярске, не успев лично доложить императору Александру I о результатах переговоров в Японии. Разжалованы за свои самовольные действия на Дальнем Востоке и утонули в Неве, в Санкт-Петербурге, осенью 1809 г. лейтенант Н. А. Хвостов (1776–1809) и мичман Г. И. Давыдов (1784–1809), отличившиеся в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Все это знал капитан-лейтенант В. М. Головнин, но не знали, и не верили ему японские чиновники, которые допрашивали русских моряков сначала в Хакодате, а потом в Мацумаэ на о. Хоккайдо более двух лет. Ученый и дипломат Г. И. Лангсдорф 30 октября 1811 г. направил Правительству свою докладную записку, озаглавленную «Рассуждения о нужных Политических мерах, какие должно принять против японцев после приключения с Головниным, на острове Кунашир воследовавшего» (8).

22 июля 1812 г. П. И. Рикорд, получив разрешение, на шлюпе «Диана» и бриге «Зотик» из Охотска отправился в берегам Кунашира, чтобы узнать о судьбе пленных русских моряков. 28 августа 1812 г. корабли прибыли к крепости Томари на Кунашире. Японские власти отказались вступить в переговоры. Лейтенанту П. И. Рикорду необходимо было получить официальное подтверждение от японских властей о судьбе русских моряков, несколько дней «Диана» и «Зотик» держались вблизи острова, и 8 сентября было замечено японское коммерческое судно, которое входило в залив о. Кунашир. В рапорте начальника Охотского порта Миницкого Иркутскому губернатору отмечается: «...Рикорд, не упуская времени, послал с шлюпа “Диана” и брига “Зотик” гребные суда, для остановки того японского судна, ...японское судно было приведено к “Диане” и хозяин того судна привезен на шлюп, где по расспросам его о пленниках Российских капитан-лейтенанта с прочими, утвердил он без запинания, что все пленные живы, здоровы и находятся в городе Матсмаэ... сверх того он описал все отличительные черты Головнина и мичмана Мура... и Рикорд признал необходимость взять сего японца в Россию, полагая чрез него доставить начальству вернейшие известия о точном положении Головнина с прочими, и случай к получению других необходимых о Японском правительстве све-

дений. Рикорд дал ему при всем экипаже японского судна, честное слово, что как скоро отберется от него несомненное доказательство в точном существовании наших пленных Головнина с прочими, то он неотлагательно и не позже 1813 г. будет доставлен обратно в свое отечество» (9). Рикорд прибыл в Петропавловскую гавань 2 октября. Получив рапорт Миницкого из Охотска, иркутская канцелярия отписывает в Петербург: «для разговора с японцем будут посланы из Иркутска в Охотск, а оттуда отправятся с Рикордом, японский переводчик коллежский регистратор Киселев и в помощь ему ученик Миронов. Губернскому секретарю Геденштруму предписано отобрать от привезенных Рикордом японцев, с помощью переводчиков, ближайшие и основательные сведения не только о наших пленных и обо всем принадлежащем до настоящего предмета, но вообще о настоящем образе управления Японии» (10).

В Петропавловске Рикорд поселил «японского чиновника» – Таката Кахэй в своем доме. Рикорд отмечает, что «одною из главнейших причин, которые имели влияние на успех предприятия для освобождения Головнина и других, была решимость моя выдать себя в глазах японцев за военного губернатора Камчатки, что подействовало на уши их и польстило честолюбию. К такой решимости побудила меня счастливая мысль, родившаяся впоследствии бесед моих с умным Таката-Кахи» (11).

Наступила весна 1813 г. пришла пора действовать. 13 февраля Камчатский комендант и Правитель области генерал-майор Петровский подписывает два документа: первый – министру коммерции Н. П. Румянцеву и второй – Таката Кахэй как представителю Японии. В апреле 1813 г. Рикорд получил от иркутского губернатора предписание снова отправиться к японским берегам и на пути зайти в Охотск, куда будут высланы для него инструкции и свидетельство на японском языке в том, что правительство не принимало никакого участия в поступках Хвостова. В июне 1813 г. Таката Кахэй с письмом высадился на берег Кунашира, и в результате его бесед с должностными лицами было решено «передать Головнина в обмен на извинительное письмо заместника Охотска». Но дело остановилось на том, что японцы сомневались в свидетельстве иркутского губернатора Трескина, так как оно было подписано одним только человеком и не имело печати. Это обстоятельство заставило Рикорда опять отправиться в Охотск, куда он и прибыл через 15 дней. Здесь он получил от начальника порта Миницкого требуемое японским правительством свидетельство, и кроме того, присланное от иркутского губернатора дружественное письмо Матмайскому губернатору. С этими письмами Рикорд отправился из Охотска и 27 сентября 1813 г. вошел в порт Хакодате. Кахэй встретил его в море, вместе с Рикордом сошел на берег и представил его должностному лицу княжества Мацумаэ Такахаси Сампей, который занимался расследованием этого дела. 6 октября губернатор Мацумаэ принял Головнина, зачитал ему предписание правительства Бакуфу об освобождении арестованных моряков и вручил ему свое письменное поздравление и пожелание счастливого пути. 7 октября 1813 г. русские моряки были официально освобождены и, переодетые в лучшее платье, смогли возвратиться на «Диану». 3 ноября 1813 г. «Диана» прибыла в Петропавловск, а транспорт «Зотик» под командованием лейтенанта Филатова был выброшен бурей на берег неподалеку от входа в Большерецкую губу крайне поврежденным. Филатов приказал немедленно приступить к сожжению корпуса для выручки железа, а шхиперские и артиллерийские материалы со всеми принадлежностями предписал сдать командиру транспорта «Борис и Глеб» штурману Петрову (12).

Измученный и больной В. М. Головнин выехал из Петропавловска на лошадях и в кибитках через Охотск, Якутск, Иркутск – прибыл в Санкт-Петербург. В своих записках он отметил: «приехал я в 1814 г. в среду 22 июля в 10 часов утра, ровно из часу в час через 7 лет моих путешествий из Петропавловской гавани до Петербурга; провел я в дороге 7 месяцев и 20 дней; ехал на собаках, на оленях верхом, на лошадях верхом, в зимних повозках, опять на лошадях и летних повозках. Конец дороги. Богу слава!» (13). Начальник Охотского порта, капитан 2 ранга Миницкий 18 октября 1815 г. доносит, что «команда шлюпа “Дианы” должна отправиться из Охотска к следованию в Петербург. К препровождению первой части команды состоящей из 23-х человек назначил он лейтенанта Норминцкого. Команда снабжается на расстоянии от Охотска до Якутска провиантом на 35 дней, должны быть выпечены сухари на каждого человека и полагается в выдачу для дорожных сапог по 2 р. 50 к., для пицци масла почти фунт, каждому дана будет верховая лошадь. По прибытии команды в Якутск следовать будет она к Иркутску рекой Леною на судах» (14). 8 декабря 1815 г. часть команды шлюпа «Диана» прибыла в Иркутск, а 27 декабря 1815 г. вторая половина команды под командою лейтенанта Бабушкина также прибыла в Иркутск. 22 января 1816 г. была отправлена из Иркутска в Петербург команда под начальством флота лейтенанта Норминцкого. Губернатор Сибири И. Пестель просит Адмиралтейств-коллегию достойно наградить экипаж шлюпа «Диана», сравнивает с экспедицией

посла Резанова, и отмечает, что Головнин, «столь много показавший заслуг Отечеству и испытаний и Рикорд получили токмо чины и последний пенсии около 500 рублей в год, лейтенантам «Дианы» пожалованы только знаки ордена Св. Владимира 4 ст. Нижние чины в РАК получили медали, пенсии от 50 до 100 рублей в год и отставку, а на «Диане» определено токмо годовое их жалование в пенсию, т. е. от 10 до 15 рублей в год. Начальник шлюпа Головнин получил орден Св. Владимира 4 ст. и чин капитана 2 ранга, а Крузенштерн – орден Св. Анны 2 класса, Св. Владимира 3 ст., 300 рублей пенсии, чин и издание вояжа стоящее казне 9 200 рублей» (15). 22 января 1815 г. Миницкий докладывает что «шлюп “Диана” оказался по ветхости не способным к плаванию на морях, и признает, что шлюп вовсе не может быть отправлен в море на переходе в Охотск. Оный шлюп в 1813 г. сдан в ведение Петропавловского порта и употреблен тамо вместо магазейна для хранения провианта и запасных материалов имеющихся в Петропавловской гавани; из числа же принадлежностей того шлюпа доставлены сюда, запасного комплекта паруса; все вообще флаги, штурманские астрономические инструменты, часть блоков с медными втулками и баковутыми шживами, которые запасы все в нынешнем лете поступили уже на приход по Экипажным магазейнам. В Петропавловской гавани осталось со шлюпа “Дианы” один комплект парусов, весь рангоут, и все онаго вооружение, якоря. Верпы, канаты, тросы и кабельтовы, баркас, часть блоков и много других инструментов и вещей бывших в запасном комплекте; все сии означенные запасы остались в гавани и поступили тамо на приход для укомплектования того порта на случай востребования к снабжениям мореходных судов. Шлюп же “Диана” поставлен на самом мелководном месте, укреплен швартовами и связями, и безопасен от затопления над верхом палуб его, сделана будет крыша и по оборотам в части инстрюйма, прорубаются малые просветы для лучшего освежения воздуха по простору инстрюйма и всех палуб “Дианы”, полагая на верное, что в нем одном уместятся все запасы имеющие быть в Петропавловском порте, и весь провиант, какой требуется для довольствия состоящих тамо команд на трехгодичное время: я думаю, что из-за сего магазейна, других в Петропавловском порте заводить вновь ни как не потребуется» (16).

Узнав о печальной участи прославленного шлюпа «Диана», император Александр I повелеть соизволил Государственному Адмиралтейскому Департаменту: «под руководством корабельного инженер-полковника Стоке сделать модель корабля “Диана” по Сепингсовой методе и немедленно откомандировать на Охтинскую верфь к полковнику Стоке для сего дела, состоящих при музеему онаго Департамента корабельного комендора Ивана Егорова и десятника Изота Иванова» (17).

После своего освобождения, в 1816 г., В. М. Головнин издал книгу (18). Эта книга сразу была переведена на все европейские языки, и японцы, несмотря на политику «закрытых дверей», узнали об этой книге. Баба Садзуро – один из переводчиков, общавшийся с Головниным в Мацумаэ в 1811–1813 гг., начал переводить её с голландского на японский через восемь лет после того, как расстался с автором. Завершен перевод был другим человеком в 1825 г. и издан под названием «Рассказы о несчастьях во время нахождения в Японии». В 1816 г. и П. И. Рикорд опубликовал свои «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 г. и сношениях с японцами». Таката Кахэй после возвращения в Японию написал свою книгу – «Записки о Русском Государстве», которая была отредактирована и опубликована в 2003 г. его потомком г-ном Такада Касити, а русский перевод сделала научный сотрудник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Ю. А. Шугаева в 2004 г. В 2009 г. японская делегация из г. Госико-чо посетила парк «Налычево» на Камчатке и совершила вертолетный облет гор имени Головнина, Рикорда и Таката. В 2013 г. на выставке в РГИА «290 лет РГА ВМФ» в числе раритетов было представлено гусиное перо В. М. Головнина, которым он писал свои книги в 1816 г.

1. РГА ВМФ. Ф. 131. Оп. 1. № 928. О постройке на Лодейнопольской верфи 20-ти транспортных судов, 1805–1808. С. 3–85.

2. Там же. Ф. 166. Оп. 1. № 909. Дело об отправлении шлюпа «Диана» в Охотск с разными материалами для тамошнего порта, 1806 г.

3. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1799–1815. Сб. документов. М., 1994. С. 254.

4. РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. № 909. Дело об отправлении шлюпа «Диана» в Охотск с разными материалами для тамошнего порта, 1806. С. 19.

5. Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807–1811 гг. М., 1961. С. 183, 185.

6. РГА ВМФ. Ф. 7. Оп. 1. № 2. С. 266.

7. АВПРИ. Ф. 161. СПб. Главный архив, I–13. Оп. 10 (1811–1813). № 4. С. 2–38.

8. Там же. С. 3–5.

9. Там же. С. 7–8.

10. Там же. С. 12–15.

11. Российско-Американская компания...

12. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 8. № 64. О плавании транспорта «Зотик» к берегам Японии и о гибели его, 1813, 27 июня 1813 г. С. 2–9.

13. Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 2. С. 187.

14. Там же. Ф. 166. Оп. 1. № 259. Дело, касательно возврата из Охотска и Иркутска в СПб команды шлюпа «Диана» и об отправлении спасшихся с разбитых судов японцев в их Отечество, 1815. С. 2–26.

15. РГА ВМФ. Ф. 203. Оп. 1. № 592. Дело по представлению Сибирского Генерал-губернатора Пестеля о вознаграждении офицеров и нижних чинов бывших на шлюпе «Диана», ходившие кругом света и находившихся в плену у Японцев, 4.02.1816.

16. Там же. Ф. 166. Оп. 1. № 3995. Дело о шлюпе «Диана», оказавшимся к плаванию неспособным, 4.01.1815. С. 1–8.

17. Там же. Ф. 215. Оп. 1. № 734. 4.02.1827 г.

18. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском Государстве и народе. В 3 ч. СПб. : В Морской типографии, 1816.

П. А. Головнин, А. М. Завойко ДВОРЯНСКИЙ РОД ЗАВОЙКО В ИСТОРИИ РОССИИ

«Rumpo non Plecto» – «Погибаю, но не сдаюсь!» (девиз герба дворянского рода Врангель)

Наиболее яркими представителями дворянских родственных родов Завойко, Врангель и Унгерн-Штернберг в истории России были прославленные адмиралы В. С. Завойко (1809–1898) и Ф. П. Врангель (1787–1870), Верховный Главнокомандующий Добровольческой армией П. Н. Врангель (1878–1928), генерал Р. Ф. Унгерн-Штернберг (1886–1921).

В истории России украинский род Завойко (Завойка) сыграл заметную роль. В XIX в. представители рода обратились с прошением о признании их в дворянском достоинстве Российской Империи, чтобы поступить на службу (1). Майор Павел Афанасьевич Завойко, боевой офицер, многие годы служил в армии и неоднократно участвовал в военных экспедициях, за свою службу был награжден: орденами Св. Владимира IV ст. с бантом, Св. Анны II и III ст. с бантом и надписью «за храбрость», золотой шпагой с надписью «за храбрость», медалями «В память 1812 года», «За Персидскую и Турецкие войны». Из дворян Полтавской губернии Золотоношного уезда. В службу вступил в Куринский (Севастопольский) полк, 10 февраля 1812 г. получил звание подпрапорщика, проходил чинами: портупей-прапорщиком 5 марта 1815 г., прапорщиком с 21 июня 1817 г. Приказом командира отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии Ермолова был зачислен в Херсонский гренадерский полк с 13 октября 1820 г., подпоручиком стал с 23 ноября 1820 г., полковым адъютантом – с 28 декабря 1823 г., звание поручика присвоено 14 июля 1824 г. За отличия в сражении против персиян (так в послужном списке. – *Ред.*) награжден чином штабс-капитана 2 октября 1827 г., за отличия в сражении с турками пожалован капитаном 19 апреля 1829 г., за отличия против горцев награжден чином майора 22 августа 1832 г.

Василий Степанович Завойко родился 15 июля 1809 г. (в автобиографии В. С. дает дату 1810 г. – *Ред.*) в сел. Прохоровка Полтавской губернии Золотоношного уезда в семье морского лекаря Степана Осиповича Завойко. Родители владели 4 дворовыми душами мужского пола и хутором в 60 десятин на берегу Днепра. Происходил он из старинного украинского казачьего рода, игравшего немаловажную роль в истории Малороссии и неоднократно жалуемого от гетманов именами и казней, но потом обедневшего и в двух поколениях поменявшего меч на рясю. Мать адмирала, урожденная Евфимия Фесун, тоже из казачьего рода, глубоко верующая и православная. Семилетнего Василия отвезли в Переславль и отдали на ученье в Макарьевскую монастырскую учительскую семинарию, жил на особой квартире с няней, заметив неодолимую тягу молодого Васи к морю, в 1819 г. его отвезли в Николаев в штурманское училище вместе с его братом. Отец стал жить с сыновьями, а мать в селе управляла хозяйством (2).